

УДК 94(470)“16/18” + 94(477)“16/18”

Я. А. Лазарев

КИЕВСКАЯ ГУБЕРНИЯ И ГЕТМАНСКАЯ УКРАИНА В ПЕРИОД ПЕРВОЙ И ВТОРОЙ ГУБЕРНСКИХ РЕФОРМ ПЕТРА I*

Рассматривается проблема соотношения правового статуса Гетманской Украины (Гетманщины) и Киевской губернии в годы губернских реформ Петра I. На основе анализа практик управления Малой России демонстрируется ограниченный характер полномочий царской администрации в регионе к началу XVIII в. Доказывается, что создание Киевской губернии не затрагивало территорию Гетманской Украины и не ограничивало украинской автономии.

Ключевые слова: Гетманская Украина; гетман; Киевская губерния; губернские реформы Петра I; И. С. Мазепа.

Одними из крупнейших преобразований Петра I являлись первая и вторая губернские реформы, давшие Российскому государству новое территориально-административное устройство. Исследователям XVIII в. прекрасно известны классические монографии дореволюционных историков, в которых были освещены

* Исследование проводилось при финансовой поддержке Федерального агентства по науке и инновациям по государственному контракту № 02.740.11.0348 на выполнение НИР «Социокультурные и институционально-политические механизмы исторической динамики переходных периодов», 2009-1.1-301-072-017.

различные аспекты данных реформ [см.: Богословский, 1902; Готье; Милюков; Морочек-Дроздовский]. Для дореволюционных авторов в некоторой степени был характерен генерализирующий подход при изучении губернских реформ Петра I, в рамках которого могло произойти нивелирование региональных особенностей.

Одной из таких региональных особенностей Российского государства начала XVIII в. было существование в рамках его территории т. н. Гетманской Украины — автономного государственного образования, находившегося под властью гетмана и генеральной старшины и обладавшего собственной административной, налоговой и правовой системами. Что произошло с данным регионом во время губернских реформ Петра I? Какой статус был у Гетманской Украины по отношению к созданной в результате 1-й губернской реформы Киевской губернии и как они соотносились между собой?

Дореволюционные российские историки, изучавшие губернские реформы Петра I, специально не исследовали вопрос об особенностях Киевской губернии и о ее соотношении с Гетманской Украиной. На основании ограниченного объема информации некоторые из этих исследователей включали Гетманскую Украину в состав Киевской губернии. Следует отметить, что их формулировки носили расплывчатый характер (П. Н. Морочек-Дроздовский, М. М. Богословский) либо имели ряд оговорок (Ю. В. Готье) [см.: Богословский, 1902, с. 48; Морочек-Дроздовский, с. 182, 211–213; Готье, с. 107–109].

В советское время губернские реформы Петра I на монографическом уровне не исследовались. Как правило, эта тема поднималась в работах обобщающего характера. На этом фоне единственным исключением можно признать статью Е. Г. Авшарова, в которой разбирались особенности первой губернской реформы. Тем не менее это исследование и работы обобщающего характера объединял общий взгляд на проблему соотнесения Киевской губернии и гетманской Украины. По мысли советских историков, Гетманская Украина в ходе губернских реформ Петра I была включена в состав Киевской губернии. Такие выводы делались без каких-либо пояснений, т. е. отмеченный процесс «включения» Гетманской Украины рассматривался как реальное историческое событие [Слицан, с. 338; Борисенко, с. 267; Ткач, с. 157; Авшаров, с. 95, 98]. Это своеобразное «наследие» советской исторической науки перешло и в современную российскую историографию.

В современной российской историографии тезис о «включении» Гетманской Украины в состав Киевской губернии транслировался на страницах не только обобщающих работ, но и получил дальнейшее развитие в специальных исследованиях [Маньков, с. 74–75; Киевская..., с. 47]. В этой связи, подробно остановимся на исследованиях С. А. Седова и Т. Г. Таировой-Яковлевой.

В 1996 г. С. А. Седовым была защищена кандидатская диссертация, посвященная государственной и общественно-политической деятельности Д. М. Голицына, в т. ч. на посту киевского губернатора [см.: Седов, с. 93–136]. Историк утверждал, что власть главы Киевской губернии распространялась «на все население Украины», что привело к столкновению интересов центральной и местной властей. Последнее стало одной из причин изменения гетмана Мазепы.

В годы правления преемника Мазепы И. И. Скоропадского (1708–1722) Д. М. Голицын «выполнил поставленную ему задачу: отстранить гетмана от ведущих функций управления». В результате этого киевский губернатор «полностью распоряжался в городах Украины», а все «налоги с Малороссии проходили через канцелярию Киевской губернии». Следовательно, автором регион рассматривался как часть губернии [см.: Там же, с. 254–255].

В своей книге 2011 г. известный биограф гетмана Мазепы Т. Г. Таирова-Яковлева напрямую связала административно-территориальные преобразования Петра I с изменой Мазепы. Эти преобразования были выражены в концепте «реформ 1707 г.» [см.: Таирова-Яковлева, с. 322]. Из наблюдений исследователя следовало, что в результате масштабных преобразований начала XVIII в. «Петр принял решение о включении значительной части Украинского гетманства в состав России на общих условиях» [Там же, с. 324].

Таким образом, в приведенных исследованиях сохраняется представление о Гетманщине как части Киевской губернии, вошедшей в состав последней после 1-й губернской реформы Петра I. Однако из приводимых авторами аргументов также не совсем ясно, как соотносились Гетманская Украина и Киевская губерния. Вне внимания исследователей остались весьма важные вопросы по истории Киевской губернии: управленческий штат, категории податного населения и перечень налогов. Следовательно, вопросы о том, что представляла собой Гетманская Украина до губернских реформ Петра I и как она соотносилась с Киевской губернией остаются открытыми.

До гетманства И. С. Мазепы (1687–1708) российское правительство четко отделяло области Войска Запорожского во главе с гетманами от Малой России. Это выражалось в понимании соглашений («статьей») с Войском как «прав войсковых», а также в практике выдачи царским правительством отдельных жалованных грамот на права казакам, городам, православной церкви и, до определенного момента, православной шляхте. Согласно текстам этих соглашений царю отводилась роль суверена над этими сословными группами. Для него Войско Запорожское и население Малой России выступало в качестве подданных, а с неказацкого населения (мещан и крестьян) предполагалось собирать налоги в царскую казну.

Однако в связи со сложной военно-политической обстановкой в регионе к рубежу 60–70-х гг. XVII в. сложился неформальный «пакт» между московским правительством и казацкой верхушкой, вызванный стремлением сохранить лояльность последней. Данный «пакт» заключался в фактическом признании российской стороной за административно-судебными структурами Войска Запорожского главенствующего положения в отношении остального населения Малой России. Дополнительно московское правительство было вынуждено отказаться от сбора податей в царскую казну, жесткой регламентации размера реестра Войска Запорожского и расширения присутствия царской администрации в малороссийских городах. В этой связи определенное исключение составляли сильные городские корпорации Киева, Нежина, Чернигова, Переяславля, обладавшие царскими жалованными грамотами на самоуправление

по магдебургскому праву. На территории крепостей этих городов находились анклавы царской администрации в лице воевод. Отмеченные обстоятельства городские корпорации использовали для сохранения независимого положения от гетманской власти [см.: Романовский, с. 44–45]. В этой связи гетманы по отношению к указанным городам смогли добиться только статуса своеобразного покровителя. Это выражалось в выдаче универсалов, дававших дополнительные гарантии сохранения прав, указанных в царских жалованных грамотах на самоуправление, временный налоговый иммунитет, землевладения [Універсали..., с. 156–157, 300–301, 321, 342–343, 360–361, 495–497, 534–535, 623–624, 643–645]. Дополнительно глава Войска Запорожского выступал в роли посредника при подтверждении прежних жалованных грамот царским правительством [Генеральное..., с. 95–96; Щербина, 1926, с. 23, 34]. Вероятно, в целях сохранения определенной лояльности сильных городских корпораций гетманы предоставляли им дополнительные земельные пожалования, торговые привилегии, а также подписывали специальные оборонные универсалы, защищавшие города от злоупотреблений полковой верхушки и казаков [см. подробнее: Універсали...].

Несмотря на наличие определенной опоры в лице привилегированных самоуправлявшихся городов, права царя как суверена были существенно ограничены. Об этом писал еще во второй половине XVIII в. известный малороссийский публицист и историк Г. А. Полетика (1725–1784) [см.: Утвенко, с. 157–161]. При этом в тексте «статей» гетман по-прежнему фигурировал как глава Войска Запорожского, а сами соглашения регулировали отношения царского правительства только с казацким населением Малой России. Например, в «статьях» гетмана Д. И. Многогрешного 1669 г. подчеркивалось, что царю били челом «гетман и все войско сей стороны Днепра», а государь жаловал «гетмана и все войско при нем будучее» [ПСЗРИ, с. 807–808.]. На местном уровне гетманы также оставались главами Войска Запорожского и принимали решения на основании войсковых прав. Однако де-факто почти вся территория Малой России находилась под властью войсковой казацкой администрации. Именно эту подчиненную войсковой казацкой администрации во главе с гетманом часть и можно определить как Гетманскую Украину. В ее состав на территории Малой России не входили лишь 4 города: Киев, Переяславль, Чернигов и Нежин; крепости этих городов находились под управлением царской воеводской администрации, а мещане этих городов были под властью магистратов, функционировавших на основании подтвержденных царских жалованных грамот.

Наличие такого политического микроклимата в сочетании с высоким кредитом доверия со стороны царской власти способствовали тому, что уже гетман И. С. Мазепа предпринял попытку официально утвердить за собой не только статус главы Войска Запорожского, но и главы и выразителя интересов всего малороссийского народа. В «статьях» 1687 г. гетман выступил не только в роли просителя от лица Войска Запорожского, но и «народа малороссийского» [Источники..., ч. 1, с. 308]. По «статьям» 1689 г. претензии на эту символическую роль были одобрены Петром I [см.: Там же, с. 320; Таирова-Яковлева, с. 493–499]. К концу правления И. С. Мазепы статус гетмана как главы Войска

Запорожского и выражателя интересов малороссийского народа полностью признавался со стороны российского монарха [Письма и бумаги императора..., т. 8, вып. 1, с. 153–154]. Таким образом, царское правительство дало санкцию на постепенное «признание» за главой Войска Запорожского верховенства практически над всей Малой Россией. Этот процесс не прервался и после измены Мазепы в 1708 г.

Из универсала 1709 г. нового гетмана — И. И. Скоропадского (1708–1722) мещанам Чернигова на село Петрушино следовало, что глава Войска Запорожского «по милости монаршой» имел «зуполную моць и власть всякие в Малой России устроевати порядки» [Генеральное следствие..., с. 367]. В документе четко акцентировалось верховенство гетманской власти в регионе, закрепленное царской властью, и это было отнюдь не случайной прихотью гетмана. В жалованной грамоте начала 1710 г. на «уряд гетманский» И. И. Скоропадскому предписывалось «всякия воинские и гражданские в Малой России дела управлять по войсковым правам, по прежним обыкновениям и по постановленным пунктам, на которых приступил под високодержавнейшую руку... гетман Богдан Хмельницкой со всем войском Запорожским и народом малороссийским», а также по царским указам «без нарушения прав и вольностей стародавных народа малороссийского». На этом основании гетман должен был служить «верно и постоянно» со всем «под ригиментом своим обретающимся подданным нашим войском Запорожским и народом малороссийским» [Письма и бумаги императора..., т. 10, с. 9–12]. Таким образом, за правами войсковыми закреплялся смысл прав всей Малой России, а сам регион стал пониматься в т. ч. как «гетманский регимент», главой которого официально становится гетман. Свой статус главы Малой России И. И. Скоропадский акцентировал в официальных бумагах на протяжении всего своего правления [см.: Источники..., ч. 2, с. 262–266; 275, 279, 281–282, 292–294]. Данный статус сохранился и в титулатуре последующих гетманов — Д. П. Апостола (1727–1734) и К. Г. Разумовского (1750–1764). В качестве примера отметим универсал гетмана Д. П. Апостола 1728 г., подтверждавший царские жаловые грамоты на магдебургское право и некоторые землевладения. Из текста универсала следовало, что гетман «по силе данной... високомонаршой его императорского величества жалованной грамоти» имел «власть всякие в Малой России и воинские и гражданские устроеват порядки» [Генеральне слідство..., с. 331].

Дополнительную выгоду от отмеченной нами символической «санкции» казацкая верхушка попыталась извлечь из кодификации т. н. малороссийских прав и масштабной переписи замели, закончившейся составлением «генеральных следствий». В ходе первой акции, стимулировавшейся царским правительством, была предпринята попытка утверждения на пространстве всей Малой России норм Литовского статута. Внедрение в судопроизводство данного законодательного памятника подразумевало утверждение господствующего положения для землевладельцев в регионе, т. е. казацкой старшины, а также введение в юридический лексикон категории зависимого населения. На практике процесс кодификации растянулся до 40-х гг. XVIII в. [Лазаревский, с. 788–789; Василенко, 1911, с. 108–126; Петрухинцев, Смирнов, с. 89–93].

Окончательное «завоевание» казацкой элитой Малой России формально было закреплено на рубеже 20–30-х гг. XVIII в. в результате составления т. н. генеральных следствий, т. е. переписи всех землевладений в регионе. Она была начата по требованию российского правительства [ПСЗРИ, т. 8, № 5324, с. 79]. Ее организацией занимались представители генеральной и полковой старшины, которые использовали результаты переписи 1726 г., проводившейся чиновниками Малороссийской коллегии. По итогам этой переписи практически все земли Малой России признавались войсковыми маетностями, подразделявшимися на несколько категорий («статей»). Исключение составили города Киев, Переяславль, Чернигов и Нежин, которые обладали подтвержденными царскими грамотами на магдебургское право и, следовательно, формально не подчинялись казацкой администрации и не могли быть чьими-либо «маетностями». Более того, принадлежащие им «маетности» составили особую категорию «ратушных» землевладений [см.: Генеральное следствие..., 1901, с. 64; с. 78–81; Генеральное следствие..., 1896, с. 37–38; Генеральное следствие..., 1908, с. 184–185].

В этом отношении примечательна судьба городов Стародуба, Мглины, Погара и Козельца. Эти города в XVII в. получили от царя Алексея Михайловича подтверждение на «магдебургии» [см.: Кисиль, с. 215–217]. Однако они не смогли отстоять свое право на магдебургское самоуправление передвойсковой администрацией. По результатам «генерального следствия» Козелец «со всем своим поспольством городовим» получил статус «свободного войскового» владения. Также согласно «генеральному следствию» Стародубского полка в тексте итогового экстракта была исключена категория «ратушных» маетностей. Вместо нее составители выделили категорию «маетностей свободных войсковых в уездах города полкового Стародуба, тако ж сотенных городов и местечок обретаючи ся». Каких-либо пояснений относительно статуса Стародуба, Мглины и Погара не было сделано. Более того, в равном положении с ними были поставлены города, не получавшие в свое время царских жалованных грамот — Баклан и Новгород-Северский [Генеральне слідство..., 1929, с. 80–81]. Таким образом, Стародуб, Мглин, Погар и Козелец фактически были обозначены как «войскоевые маетности», а не как независимые самоуправляющие города.

Малороссийские города, не обладавшие царскими жалованными грамотами на «магдебургии» и не имевшие владельцев, были сгруппированы в одну общую категорию — «маетности войсковые свободные» или «маетности свободные», т. е. были поставлены наравне с селами и деревнями [Генеральне слідство..., 1931, с. 53–56; Генеральное следствие..., 1893, с. 63–64; 1901, с. 81–84; 1896, с. 42–44; 1908, с. 185–187]. Следовательно, могли быть разданы за «службы войсковые» и на «уряды». Жители таких городов должны были нести различные повинности в гетманскую казну (например, ежегодно платить специальный налог — стацею). Как показал украинский историк И. Н. Кисиль, такие города постепенно становились объектом частной собственности [Кисиль, с. 82–97]. Незаконный характер этого процесса отмечал еще историк-публицист Г. А. Полетика [Возражения депутата..., с. 84–85].

Таким образом, в результате составления «генеральных следствий» окончательно за институтами Войска Запорожского была закреплена монополия на

власть во всей Малой России, за исключением четырех городов с магдебургским правом.

Однако, учитывая историографический обзор, не избежать закономерного вопроса, как соотносилась отмеченная эволюция Малой России с территориально-административными реформами Петра I, прежде всего с 1-й губернской, когда возникла Киевская губерния.

По имеющимся документам можно судить, что к 1707 г. крепости Киева, Нежина, Чернигова и Переяславля находились в ведении Малороссийского приказа, куда назначались царские воеводы [см.: Богословский, с. 277]. Воеводы не имели права вмешательства в городское (мещанское) самоуправление. С территории Малой России на 1707 г. в царскую казну поступали только некоторые сборы с городов, обладавших жалованными грамотами на магдебургское право [см.: Экстракт из указов, с. 191–201; Романовский, с. 44–45]. Кроме указанных сборов, в царскую казну поступала половина доходов с днепровского перевоза «судами», в то время как другая половина отходила «мещанам в ратушу». Об этом, к примеру, свидетельствует царская жалованная грамота Киеву 1699 г. В документе также отмечалось, что представители великороссийской администрации могли навести «под Киевом на Днепре мост». В этом случае «мостовщина», т. е. сбор за переход по мосту, полностью шла в царскую казну, «понеже тот мост и мостовые припасы строят наши Ц. В-ва ратные люди и Нашего Ц. В-ва казною» [Щербина В. И., с. 31–32]. Местопребыванием воевод служили городские крепости («города»), территорией которых ограничивалась компетенция царских администраторов. При этом царские воеводы должны были оберегать мещан от вмешательства в их права со стороны казацкой администрации [см.: Акты..., т. 6, с. 55–56; Там же, т. 10, с. 387, 391; ПСЗРИ, т. 1, № 447, с. 818–820; Щербина В. И., с. 31]. Наглядно о строгом разграничении прерогатив царской и местной (городской) администраций свидетельствует жалованная грамота Киеву 1700 г. В этом документе российским «ратным людям» и купечеству строго запрещалось вести какую-либо торговлю на территории Подола (Нижнего города), которая находилась под властью магистрата [см.: Андреевский, 1892, с. 171–189].

В 1700 г. на смену институту воевод в Киеве Петр I ввел должность губернатора, еще до начала 1-й губернской реформы (1707–1711). Первыми киевскими губернаторами стали Г. фон Менгден¹ (1700–1703) и А. А. Гулиц (1703–1706). Эти губернаторы по своим полномочиям практически ничем не отличались от своих предшественников-воевод, оставаясь в ведении Малороссийского приказа, через который осуществлялись их назначения. Подобно «последнему» киевскому воеводе князю П. И. Хованскому (1696–1700), Г. фон Менгден и А. А. Гулиц были главными перед воеводами Нежина, Чернигова, Переяславля, иногда определявшиеся в источниках как «коменданты» [Щербина В. К., с. 303–306; РГАДА, ф. 210, д. 39, л. 46; Письма и бумаги..., т. 5, с. 581–582]. Крепости четырех малороссийских городов представляли собой своеобразные

¹ В русских источниках — Юрий Андреевич Фамендин.

«островки» царской военной администрации в Малой России. Вслед за П. Н. Милюковым отметим, что данные крепости фактически образовывали особый Малороссийский военный округ, который впоследствии станет частью Киевской губернии [Милюков, с. 259–260].

Управление этим военным округом не было лишено определенной громоздкости, когда царские воеводы для принятия решений должны были сноситься с приказами, в т. ч. в обход киевского губернатора. Например, в указе от 15 января 1707 г. из Малороссийского приказа описывался следующий порядок действий для нежинского воеводы: «Если к нему будут присылати в Чернигов о чем его великого государя указы за рукою губернатора князя Александра Даниловича Меншикова или от иного кого именным его великого государя указом, и по тем указом исполнити оныя без отлагательства, не описываясь в Приказ Малая Росии; а буде присланы будут ево же великого государя указы из Правианского Приказу или из Походной Правианской канцелярии о строении житниц из нежинских доходов и о иных делах не гораздо нужных, и ему без послушных его великого государя грамот их Приказу Малая Росии ничего не чинить, а писать о том в Приказ Малая Росии» [Акты..., с. 68–70].

Финансирование и снабжение боеприпасами великороссийских гарнизонов осуществлялось либо из центра, либо из пограничных городов (например, Смоленска или Севска). Царские войска, находившиеся в «малороссийских» крепостях, были довольно малочисленны (например, в Чернигове насчитывалось меньше 100 человек), а также слабо вооружены [Письма и бумаги..., т. 7, вып. 1, с. 48, 561; Северная война..., с. 199]. Следовательно, своих трудовых и материальных ресурсов эти крепости, кроме гарнизонов, не имели. Скорее всего, слабость Малороссийского военного округа на фоне приближавшейся шведской армии послужила важным стимулом для создания в регионе крупного военно-территориального объединения, способного решать серьезные военные задачи. Как писал Петр I еще 15 марта 1706 г. Ф. А. Головину, «извольте осторожность иметь о Киеве, куда (как мы думаем) не без намерения неприятельского будет» [Северная война, с. 277].

На наш взгляд, царское правительство имело по крайней мере 2 варианта организации обороны региона от шведской опасности. Первый вариант был обозначен в письме Петра I князю Д. М. Голицыну от 29 января 1707 г.: «По-неже вас сказано в Белгород, и ныне мы приказали вам ведать к Белугородскому разряду Киев и все замки в Черкасских городех, в которых Руския люди». В связи с этим Д. М. Голицыну следовало находиться в Киеве «и к будущему лету всякое приготовление учинить, и к нам писать, а именно во управлении артиллерии и магазейнов» [Письма и бумаги императора, т. 5, с. 56]. Схожим образом Петр I написал в тот же день главе разряда Т. Н. Стрешневу: «Кiev, также и прочия замки в Черкасских городех, в которых наши воеводы, припишите к Белугороду». При этом Петр I отмечал, что Д. М. Голицын к весне должен быть в Киеве, «где много исправления требует». Петр I указал на ресурс для «исправления»: «Для того надлежит ему Белогородским разрядом то исправлять» [Там же]. Таким образом, Петр усиленно готовил Малороссию к обороне. Именно для этого ему понадобилось «приписать» малороссийские

крепости с российскими гарнизонами к Белгородскому разряду. Не случайно Д. М. Голицын сохранял чин воеводы до 1711 г., хотя ради «чести места» стал именоваться киевским воеводой [Там же, т. 5, с. 107; т. 11, вып. 1, с. 133].

Подобные действия были довольно логичны: своих трудовых и финансовых ресурсов малороссийские крепости, кроме гарнизонов, не имели, в связи с чем пришлось бы обращаться к соседнему белгородскому воеводе и тратить драгоценное время на переписку, а также возможные ведомственные конфликты. Однако в опубликованных бумагах Петра I сохранились собственноручные черновые «пункты» гетману Мазепе, датируемые 25 апреля 1707 г. В 3-м пункте этого документа говорилось, что «Севскому разряду надлежит быть при гетмане всему, также и офицеров несколко прислано будет» [Там же, т. 5, с. 189]. По нашему мнению, уточнение относительно Севского разряда было сделано не случайно. К этому времени И. С. Мазепе уже доводилось командовать силами данного разряда [см.: Лазаревский, с. 247]. На этом основании можно предположить, что Петр I рассматривал Мазепу в качестве кандидата на пост главы крупного военного объединения, которое могло включать и «малороссийские», и «великороссийские» подразделения. К сожалению, не представляется возможным уточнить, в этой же редакции были переданы «пункты» гетману в Жолке или нет. Очевидно только то, что Петр I по невыясненным причинам решил придерживаться первого варианта. В результате «замки» Малороссийского военного округа вошли в состав объединенного Белгородского разряда с центром в Киеве. Характер сделанной передачи крепостей подтверждает вывод П. Н. Милюкова о «централизации военного управления». Как показывают документы, глава этого объединенного разряда занимался исключительно вопросами обороны края от угроз со стороны шведской армии и повстанцев К. Булавина, а не реализацией неких «реформ», о которых утверждает Т. Г. Таирова-Яковлева [Письма и бумаги императора, т. 7, вып. 1, с. 81, 153, 155; Северная война, с. 347; Седов, с. 95–102]. В этой связи, вслед за И. В. Курукиным [см.: Курукин, с. 194], заметим, о каких «реформах» Гетманской Украины мог думать Петр I, когда даже Москву готовили к обороне.

Если Петр I и планировал какую-либо реформу в таких сложных условиях, то ею стала 1-я губернская реформа (1707–1711), которая должна была решить прежде всего военно-финансовые задачи. Начало реформе было положено указом от 18 декабря 1707 г., согласно которому следовало «расписать города частми», находившиеся в радиусе 100 верст, к Москве, Киеву, Смоленску, Азову, Казани, Архангельску. В копии этого указа были добавлены Санкт-Петербург и «Сибирь» [Там же, т. 6, с. 191, 550]. Однако процесс составления списков городов по губерниям затянулся до февраля 1709 г. [см.: Там же, т. 9, вып. 1, с. 67–72]. В указе 18 февраля 1709 г., направленном всем губернаторам, выражалась надежда, что «даст Бог, 1710 году все вам принять безспорно и делам безостановочно было» [Там же, с. 91]. В специальном указе Д. М. Голицыну от того же числа указывалось, чтобы он по присланной «росписи» принял новые города, а «которые города прежде у вас ведомы были, и те ведай по прежнему» [Там же, с. 94]. Таким образом, Белгородский разряд с включенным

в него Малороссийским военным округом должен был стать частью новой Киевской губернии.

Список «прежних» и «новых» городов губернии подробно проанализировала Т. Г. Таирова-Яковлева. Из ее анализа следовало, что в ходе 1-й губернской реформы Петра I в состав Киевской губернии были включены «замки» четыре малороссийских городов — Киева, Чернигова, Переяславля, Нежина — и по реке Самаре (Самара, Новобогородицк, Сергиевск) [см.: Таирова-Яковлева, с. 327, 332]. Выше мы указали, что подразумевалось под этими «замками». В дальнейшем к отмеченным выше крепостям были добавлены фортеции Полтавы и Переяловичи. Введение в эти города великороссийских гарнизонов было мотивировано военной обстановкой [Письма и бумаги..., т. 9, вып. 1, с. 323]. Измена Мазепы не повлекла расширение полномочий царской администрации в отношении местного населения. По переписи Киевской губернии 1710 г. в Киеве, Нежине, Чернигове, Переяславле, Полтаве и Переяловичне не значилось ни одной категории податного населения [ПСЗРИ, т. 5, с. 706]. Это вполне объяснимо тем фактом, что, кроме гарнизонов и администрации, великороссияне в данных городах на постоянной основе не находились, а малороссийские жители находились в ведении либо казацкой, либо магистратской администрации.

Анализ прерогатив киевского губернатора показывает, что он не мог вмешиваться в полномочия казацкой администрации. Например, на строительство Киево-Печерской крепости люди «гетманского régimenta» могли привлекаться только в случае нехватки рабочих рук и «с общего согласия» с гетманом, т. к. в основном там трудились однодворцы и гарнизонные солдаты [Доклады и приговоры..., т. 3, кн. 1, с. 178; т. 4, кн. 1, с. 445—446; т. 5, кн. 1, с. 459; кн. 2, с. 968—969]. Юрисдикция главы губернии была строго очерчена пределами крепостей определенных малороссийских городов. Кроме того, киевской губернатор, будучи представителем российского монарха в регионе, сохранил некоторые функции в отношении городов, обладавших подтвержденными царскими жаловаными грамотами на магдебургское право, — Киева, Переяславля, Чернигова и Нежина. В частности, в его ведении сохранялись сборы с этих городов [А. А., с. 26—33]. Также он должен был выступать в качестве покровителя этих городов, охраняя их права от посягательств со стороны казацкой администрации [ПСЗРИ, т. 11, с. 934; т. 15, № 11133, с. 553]. Будучи гарантом царской жалованной грамоты, он мог выступить в качестве арбитра в спорах мещан и духовенства Киева [Исторические материалы..., с. 17—18]. Показательны жалобы архимандрита Киево-Печерской лавры в Военную коллегию и Сенат от 1726 г. на незаконный характер построенных «около пещерской крепости за фортецею» «домов и огородов» гарнизонных офицеров и семейных солдат, т. к. они находились на монастырской земле. Для улаживания конфликта было принято компромиссное решение платить уже поселившимся в монастырскую казну «за ту их землю наем или оклад», а также запретить возведение новых дворов [см.: Там же, с. 19—24].

Тот факт, что полномочия киевского губернатора не распространялись на Гетманскую Украину, дополнительно демонстрирует казус с назначением в гу-

бернию провинциал-фискала. В 1727 г. во время поиска кандидатуры на должность провинциал-фискала из Киевской губернской канцелярии в Главную фискальную канцелярию сообщалось, что «в Киеве и в приписанных к нему городах, в Нежине, Чернигове, Переяславле, Полтаве и в Переяловской, в которых точию одни командированные из киевских гарнизонных полков обер и ундер офицеры и солдаты, да малороссийские обыватели, которые во всяком ведомстве зостаются в Малороссийской Коллегии, кого б определить в помянутые города в провинциал-фискалы, ни одного человека... из великороссийских людей... не имеется» [Экстракт из указов..., с. 83].

Указанный факт ограниченных полномочий у киевского губернатора в отношении Гетманской Украины на 1726 г. зафиксировал ученый-географ И. К. Кирилов в сочинении «Цветущее состояние Всероссийского государства». Он отмечал, что губернаторы «пребывают в Киеве в столице малороссийской и команду имеют над гвардизоном киевским и некоторых крепостей, а до дел малороссийских не касаются» [Кирилов, с. 160]. При этом в разделе «О полках малороссийских» он указывал, что в Переяславль, Полтаву, Переяловку и Нежин назначались солдаты и/или коменданты «ис Киева» [Там же, с. 160, 164, 166–167].

В качестве некоторого исключения из определенных нами ограниченных полномочий губернатора можно признать раскольнические слободы в Гетманщине, которые с 1718 г. составляли специфичную административную единицу в ведении Киевской губернской канцелярии — «государевы описные малороссийские раскольнические слободы». Специфика новых единиц была в том, что они изымались из налоговой системы Гетманщины, находясь на ее территории [см.: Новые материалы для раскола, с. X–XI, 115–123; Волошин, с. 57–66].

Отмеченные нами особенности демонстрируют специфику соотношения «границ» Киевской губернии и Гетманской Украины (Гетманщины). Данная специфика осталась незамеченной для дореволюционных историков, специально занимавшихся историей создания губерний. Несмотря на это дореволюционные исследователи не придерживались жесткой позиции в плане включения Гетманщины в состав губернии.

Ситуация несколько изменилась в советский период. На этом этапе развития отечественной исторической науки иллюзия «включенности» Гетманской Украины в состав Киевской губернии обрела черты реального исторического факта. Такое искаженное представление уже перешло в современную российскую историографию.

В реальности в регионе Малой России во второй половине XVII — первой половине XVIII в. полномочия царских воевод и киевских губернаторов были весьма ограниченными. Юрисдикция царской администрации в регионе была первоначально ограничена четырьмя крепостями городов Киева, Нежина, Чернигова и Переяславля, к которым затем добавятся крепости по р. Самара, а затем крепости Полтавы и Переяловки. В ходе губернских реформ Петра I территория Гетманской Украины за небольшими исключениями не была затронута, сохранив прежние границы и статус. Скорее, важные изменения в официальных полномочиях в отношении Малой России в 1710–1730-е гг. произошли

у Войска Запорожского, когда при символической «санкции» царского правительства малороссийские гетманы смогли официально закрепить свой статус главы Малой России, а институты Войска Запорожского формально получили под свою власть практически всю территорию этого региона.

-
- Андреевский] А. Днепровский перевоз // Киевская старина. 1897. № 7/8.*
- Андреевский А. А. Несколько данных о великокорсийском купечестве в Киеве в прошлом столетии и об отношении к нему местного магистрата // Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца. Кн. 6. Отд. 2. Киев, 1892.*
- Авшаров Е. Г. К истории областной реформы (1707—1709 гг.) // Русский город: исследования и материалы / под ред. В. П. Янина. Вып. 5. М., 1982.*
- Акты, относящие к истории Южной и Западной России. Т. 6, 10. СПб., 1869, 1878.*
- Акты, относящиеся до юридеского быта Древней России / под ред. Н. Калачова. Т. 3. СПб., 1884.*
- Богословский М. М. Областная реформа Петра Великого: провинция (1719—1727). М., 1902.*
- Богословский М. М. Петр I. Материалы для биографии. Т. 5. М., 1948.*
- Борисенко В. И. Административное устройство Левобережной Украины, Слобожанщины и Запорожья // История Украинской ССР : в 10 т. Т. 3. Киев, 1983.*
- Василенко Н. П. Збірка матеріалів до історії Лівобережної України та українського права XVII—XVIII вв. // Український археографічний збірник . Т. 1. Київ, 1926.*
- Василенко Н. П. Прикрепление крестьян в Малороссии // Великая реформа 19 февраля (1861—1911) / под ред. А. К. Джигилегова, С. П. Мельгунова, В. И. Пичеты. Т. 1. М., 1911.*
- Возражение депутата Григория Полетики на наставление Малороссийской коллегии господину же депутату Дмитрию Натальину // Чтения в Имп. О-ве истории и древностей российских. Кн. 3. Отд. 5. М., 1858.*
- Волошин Ю. Государевы описные малороссийские раскольнические слободы (XVIII в.): историко-демографический аспект. М., 2005.*
- Генеральне слідство про маєтності Лубенського полку / упор. К. Лазаревської // Український архів. Т. 4. Київ, 1931.*
- Генеральне слідство про маєтності Стародубського полку / упор. К. Лазаревської // Український архів. Т. 1. Київ, 1929.*
- Генеральное следствие о маे�тностях Киевского полка (1729—1730 гг.) / Сообщ. Н. П. Василенко // Чтения в Ист. О-ве Нестора-летописца. Кн. 7. Отд. 3. Киев, 1893.*
- Генеральное следствие о маे�тностях Нежинского полка 1729—1730 г. // Материалы для истории экономического, юридического и общественного быта Старой Малороссии / под ред. Н. П. Василенко. Вып. 1. Чернигов, 1901.*
- Генеральное следствие о маे�тностях Переяславского полка (1729—1731г.). / изд. В. А. Мякотиным. Харьков, 1896.*
- Генеральное следствие о маे�тностях Черниговского полка 1729—1730 гг. // Материалы для истории экономического, юридического и общественного быта Старой Малороссии / под ред. Н. П. Василенко. Вып. 3. Чернигов, 1908.*
- Готье Ю. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. Т. 1 : Реформа 1727 г. Областное деление и областные учреждения 1727—1775 гг. М., 1913.*
- Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем сенате в царствование Петра Великого / под ред. Н. В. Калачова. Т. 3—5. СПб., 1887—1892.*
- Исторические материалы архива Киевского губернского правления / сост. А. Андреевский. Вып. 7. Киев, 1884.*

- Источники Малороссийской истории, собранные Д. Н. Бантышем-Каменским. Ч. 1–2 // Чтения в Имп. О-ве истории и древностей российских. Кн. 1. Отд. 2. М., 1858–1859.*
- Kicіль І.М. Соціально-економічне становище міщан Гетьманщини (друга половина XVII – друга половина XVIII ст.) : дис. ... канд. іст. наук. Київ, 2006.*
- Киевская губерния // Губернии при Петре Великом (300-летие первой губернской реформы). М., 2008.*
- Кирилов И. К. Цветущее состояние Всероссийского государства / ред. кол.: Б. А. Рыбаков и др. М., 1977.*
- Курукин И. В. Образы и трагедия гетмана Мазепы // Артамонов В. А., Кочегаров К. А., Курукин И. В. Вторжение шведской армии на Гетманщину в 1708 г.: образы и трагедия гетмана Мазепы. СПб., 2008.*
- Лазаревский А. Универсал Скоропадского о переводе «книг правних» на малорусский язык // Киевская старина. 1887. № 4.*
- Манько А. Блюстители верховной власти: институт губернаторства в России. М., 2004.*
- Милюков П. Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1905.*
- Мрочек-Дроздовский П. Н. Областное управление России XVIII века до учреждения о губерниях 7 ноября 1775 года. Ч. 1 : Областное управление эпохи первого учреждения губерний (1708–1719). М., 1876.*
- Новые материалы для раскола на Ветке и Стародубе / собр. М. И. Лилеевым. Киев, 1893.*
- Петрухинцев Н., Смирнов А. Уложение для Украины // Родина. 2003. № 2. С. 89–93.*
- Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 5–7, 9. М. ; СПб., 1907–1950.*
- ПСЗРИ. Собр. 1 : с 1649 по 12 декабря 1825 г. СПб., 1830.*
- РГАДА. Ф. 210 (Киевский стол).*
- Романовский В. А. Перепись населения Левобережной Украины 1666 года: ее организация и критическая оценка. Ставрополь, 1967.*
- Северная война 1700–1721 гг. : к 300-летию Полтавской победы : сб. док. / сост. Р. Е. Альтшуллер и др. Т. 1 : 1700–1709. М., 2009.*
- Седов С. А. Д. М. Голицыны (1663–1737 гг.): государственная и общественно-политическая деятельность : дис. ... канд. ист. наук / Ин-т рос-й истории РАН. М., 1997.*
- Слицан Б. Г. Реформы местного управления // Очерки истории СССР. Т. 7. М., 1954.*
- Таирова-Яковлева Т. Г. Иван Мазепа и Российская империя. М. ; СПб., 2011.*
- Ткач А. П., Кульчицкий В. С. Общественно-политический строй и право на Украине в период усиления феодально-крепостнического гнета (вторая половина XVII – XVIII в.) // История государства и права Украинской ССР : в 3 т. / ред. кол.: Б. М. Бабий и др. Т. 1. Киев, 1987.*
- Універсали українських гетманів від Івана Виговського до Івана Самойловича (1657–1687). Київ ; Львів, 2004.*
- Утвенко В. В. Формування української фіiscalальної системи в добу Гетьманщини (друга половина XVII – початок XVIII ст.) : дис. ... канд. іст. наук. Київ, 2005.*
- Щербина В. І. Документи до історії Києва 1494–1835 pp. // Український археографічний збірник . Т. 1. Київ, 1926.*
- Щербина В. К истории воеводского правления в Киеве // Киевская старина. 1893. № 8.*
- Щербина В. О назначении в Киевскую губернию провинциал-фискала // Киевская старина. 1898. № 9.*
- Экстракт из указов, инструкций и учреждений, с разделением по материалам, на двенадцать частей 1786 г. // Материалы для истории экономического, юридического и общественного быта Старой Малороссии / под ред. Н. П. Василенко Чернигов, 1902. Вып. 2.*

Статья поступила в редакцию 18.01.2012 г.